

Старик, который не смотрел на **звезды**

Море приносило старику покой. Зимой в штиль он бродил по пустынному пляжу вдоль кромки воды. Никто и ничто не мешало ему разговаривать с чайками и неспешно собирать ракушки. Если попадалась особая, с черным перламутром ракушка, для старика был маленький праздник. Он мечтал подарить такую ракушку Майе, когда вернется домой. Когда шел дождь, старик натягивал на голову капюшон теплой куртки. И от дождя спасало, и никакие звуки не мешали слушать радио. Он всегда брал ста-

ренький приемник с собой. Вдруг будут новости. Но новости если и были, то не те.

С годами прогулки стали реже, да и плохо сросшаяся после перелома нога порой нестерпимо ныла от зимней сырости. А радио поломалось. Сначала стало хрипеть, а потом просто замолкло.

Старик жил здесь уже много лет. Ему повезло, что он попал именно на берег моря. Тепло почти весь год, и пищу добыть легко. Поселился он в брошенной лачуге, рядом с гротом.

Жилище было маленькое и хлипкое, но для этих мест большего и не надо. Немногие местные жители быстро привыкли к старику. Поначалу, правда, доставали расспросами, но потом, поняв, что от старика ничего толком не добьешься, отстали. И никто не возражал, когда старик решил взять себе выброшенную осенним штормом лодку. Один из рыбаков даже помог её починить, принеся пук хорошо просмоленной каболки, молоток и стамеску. Вообще, они были добрые, местные жители. Только устали от однообразной и безысходной жизни.

Однажды к старику пришли местные детишки, просто так, из любопытства. Старик сначала обрадовался, накормил их ухой и стал рассказывать всякие небылицы. А потом заплакал и прогнал детей. Вернее, просто попросил оставить его в покое. Так и текла его нехитрая жизнь, почти не отличавшаяся от нехитрой жизни обитателей курортного поселка, сонной девять месяцев в году.

Шесть Ударных Протуберанцев и четыре Особых Луча Звездного флота Земли были подняты по тревоге. Тревоги этой ждали все. Авангард флота — ударные линкоры, платформы гамма-лазерного прикрытия, по четыре на линкор, замерли в боевом порядке, ожидая обращения верховного главнокомандующего. На высокой марсианской орбите отсалютовали в полной готовности станции тыловой поддержки, мобильные госпитали. Канонерки «Кореец», «Тоболец» и «Нарния» по традиции стали за кормой межгалактического крейсера «Варяг». Верховный видел на мониторах парадный строй расчетов кораблей. Безымянные боевые суда расположились за первой ударной линией, до самой Венерианской линии отсечки. Их идеальный строй, чуть провисший в гравитационном поле Солнца, был готов к бою. Торпедные катера, тральщики, десантные шлюпки и десантные боты — тысячи и тысячи боевых единиц, отли-

чающиеся для непосвященных только номером на борту.

Речь главкома была лаконичной: «Ливорги проигнорировали условия мирного договора и вышли на боевые позиции у границы демилитаризованной зоны. Все усилия, прилагаемые последние пятьдесят лет для мирного разрешения конфликта интересов, исчерпаны. Получены данные, что сейчас десантные силы ливоргов для захвата Земли уже движутся на исходную точку прыжка. Командирам стратегических единиц распечатать конверт «ноль». Приступить к боевым действиям».

Казалось, звездное небо пришло в движение — это армада, совершив боевой маневр, ушла в подпространство. Ушел и «Варяг». Навигаторы получили приказ от командира-адмирала Думанского — и ввели в сайбер заранее подготовленный код. Процедура скачка была отработана сотнями тренировок и прошла как по нотам.

Местные жители не помнили, откуда пришел старик. Да и стариком его тогда было трудно назвать. Прошли годы, никто уже не удивлялся странному отшельнику. К нему привыкли, как привыкают к ржавому баркасу, брошенному на берегу. Рано утром, когда закат только серел, старик уходил в море за рыбой. Сначала, он с натугой сталкивал свою лодку с песчаного берега в море, потом, вставив весла в ключины, размеренно греб до одного ему ведомого места посреди бухты. Там он забрасывал сеть, раз за разом. Когда воспаленные глаза начинали слезиться от высокого солнца, старик возвращался. Он греб выработанными годами несильными, экономными движениями. Разобрав основной улов как раз к приходу перекупщика, старик готовил себе скромный обед. А потом, посидев немного у борта лодки, он начинал перебирать и чинить сети. Казалось, каждая прореха в синтетическом плетении пыталась рассказать о том, что случилось сегодня. Вот, туповатый краб вцепился в первое попавшееся, и

уже не хотел отпускать. Вот кефаль пыталась вырваться наружу. Как и та, что уже затихла в нагретом на полуденном солнце ведре. Сегодня был хороший улов. Старик подумал, что хватило бы не только продать перекупщикам и заплатить сельсовету взятку за то, что не трогают. Хватило бы даже приготовить обед на всю семью. Майя любила, когда он жарил рыбу на углях. А дочка норовила разбросать уголь по террасе. Пес обычно тут же включался в игру и, изгваздавшись в угле не меньше малышки, настойчиво пытался украсть приправленную специями, ещё сырую рыбу. За псом следил сын, как всегда прощавший любую шалость. А потом, когда кефаль на углях начинала издавать божественный аромат, наступало блаженное время. После обеда можно было посидеть на террасе, с которой было видно море. Знакомые говорили, что в особо ясную погоду можно увидеть другой берег. Врали, наверное. Впрочем, и эта мелкая неправда и большая человеческая ложь таяли в бокале холодного фалерио. Тогда, давно. А сейчас надо было чинить сеть. Выдергивать случайные щепки, длинные лохмотья морской травы. А вот это не трава, а рыба игла. Словно в приступе рыбьего безумия она пыталась вырваться из сети, но только сделала странный шов. Плоть по неживой материи.

Земной флот вышел из подпространства у самой линии раздела и застыл в ожидании флота ливоргов. Но враг неожиданно, в нарушение конвенций, возник глубоко в тылу, на территории влияния Земли. Переход на новую позицию для землян был очень опасен. Ливорги, раз уж они начали вести бесчестную войну, могут обрушить плазму на землян прямо на выходе из скачка. Главком принял логичное решение — перестроить флот, не уходя в подпространство. Так, чтобы, не теряя из виду врага и оставаясь в полной боеготовности, вывести ударные корабли на передовые позиции. Синхронно, словно связанная невидимыми ниточками, армада опи-

сала в пространстве громадную петлю, так, что флот стал лицом к лицу к врагу. И вселенная превратилась в ад. «Варяг» всей огневой мощью в несколько залпов разнес лидирующий корабль ливоргов и вломился в передовую линию противника. Адмирал спокойно наблюдал, как орудия главного калибра крушат мелкие вражеские суда. Чтобы не поддаться искушению и не уйти глубоко во вражеские эшелоны Думанский отдал приказ — сбавить ход, не углубляться. Мельком он бросил взгляд на фото семьи в оправе золотого медальона, который он сжимал в руке.

— Хорошо, семья на курорте. Туда новости приходят позже, даже такие, — мелькнула мысль, — не будут зря волноваться. Они как раз сегодня на круизном лайнере «Таврия» должны быть на орбитальной экскурсии. Об этом приключении дочка час назад взалхлеб рассказывала по экстеркому.

Весь масштаб сражения можно было оценить только на голокубе, где точками, ромбиками и кружочками трехмерная картинка показывала происходящее в космосе. Было видно, что к прорехе в строю ливоргов стягиваются земные корабли. Не дать затянуться разрыву в обороне чужих, закрепить и туда, за спины ударных сил врага, пустить десантную армаду. А та уже отрежет от передовых сил суда поддержки и юркие клиперы ливоргов, несущие смертоносные лазерные системы, готовые крушить с кормы земные крейсера.

Обычно вечером, если стояла хорошая погода, старик садился на берегу на обломок скалы возле хижины, долго и аккуратно сворачивал самокрутку, неспешно её раскуривал и потом молча смотрел на море. Он не думал о превратностях судьбы, о своем одиночестве, о том, что с годами силы покидают его. Просто сидел и смотрел на море. Порой, в лучах вечернего солнца удавалось увидеть играющего дельфина. Старик считал

это хорошим знаком. Рядом со стариком усаживался пес, из местных. Он как все приморские собаки был добр, голоден и ленив. Старик любил беседовать с собакой. Вернее, даже не беседовать, а задавать вопросы. Что, например, думает пес об относительности времени, правда ли что в раю не встретишь никого из тех, кого знал в жизни. Про время пес ничего не понимал, но идея с раем ему точно не понравилась. Он даже гавкнул в никуда. Это была уже третья собака за ту четверть века, что старик прожил в своей лачуге. Старик понимал, что переживет этих добрых зверей, и поэтому каждому нашептывал слова, которые надо произнести там, наверху. Иногда, в редкие ночи полного штиля, вода была такой спокойной, что в ней отражались звезды. В эти ночи старик не выходил к морю. За все годы он ни разу не посмотрел на звезды. Ни на небе, ни на их отражение в воде.

Внезапно картина боя изменилась. Корабли ливоргов с передовой как по команде ринулись в тыл, в самый арьергард. Оставшиеся на передовой мелкие суда стали уходить от столкновений и занялись постановкой помех. В рубке «Варяга» пискнул вызов верховного главнокома.

— Думанский! — совсем не по-уставному прозвучал голос верховного. Адмирал даже услышал нотки усталости и растерянности. — Эти уроды выходят на прыжок. Они, суки, к Земле! Вектор прыжка уже заняли. Мы не вытянем, они там будут раньше. Я не могу тебе приказывать. Решай сам. Твой «Варяг» способен изменить ситуацию.

К моменту вызова крейсер занял позицию в центре боя, на острие атаки землян.

— Двигатели — полный вперед, торпедный отсек — непрерывный огонь по лидеру противника! — Немедля отдал приказ капитан.

Оторвавшись от кораблей поддержки, весь в ореоле торпедных залпов словно огненный смерч ринулся

«Варяг» туда, где уже выходили на позицию прыжка корабли ливоргов.

— Кэп, херня выходит! Мониторы не прикрывают, канонерки отстали, — раздался голос навигатора из динамика на кокпите.

— Не паникуйте, без вас знаю, — резко ответил адмирал.

— Да у нас жопа голая!!! — не выдержал навигатор.

— Вот прикрой её, навигатор! — совсем невежливо сказал Думанский. — И не ругайся в эфире.

Когда голос навигатора опять зазвучал в коммуникаторе, он был уже без тревожных ноток. Спокойный и серьезный.

— Командир, ливорги уходят в прыжок. У них темпо-поле уже сформировано.

— Мы его можем достать?

— Только с платформы. Но на векторе залпа полно всего, да и мы сами... Ливорги в тени. На торпеды наши им наср...

— Сколько до них?

— До прыжка успеем. Но толку? Мы же не десант. — Навигатор, если и понял мысль капитана, то, наверное, не поверил.

— Полный вперед, форсаж дотла! — Думанский сам не заметил, как прокричал команду.

Даже с яхты верховного было видно, как гигантский корпус «Варяга» окутала голубая пелена форсажного поля.

— Станем у них под носом. Не дать сволочам прыгнуть к Земле!

Теперь идея Думанского стала понятна. Для подпространственного перехода необходим небольшой разгон в направлении прыжка. При этом корабль находится в полуматериальном состоянии. И командир «Варяга» решил оказаться впереди вражеского крейсера, чтобы не дать разогнаться. Но все понимали, что «Варяг» при этом станет легкой мишенью. Подставит борт под орудия главного калибра ударного крейсера ливоргов. А с учетом нескольких сот абордажных шлюпок на борту противника, шансы выиграть поединок у Варяга были совсем малы.

Несколько раз к старику приходили странные люди. Они агитировали за каких-то политиков, обещали, что если старик проголосует, то воцарит мир и спокойствие, старику дадут отдельную однокомнатную квартиру, назначат пенсию и много другого. Старик смотрел на них совсем непонимающе. Он никак не мог поверить, что эти странные люди, с профессионально лгущими глазами и влажными от постоянной работы губами могут выполнить хоть что-то из обещанного. Впрочем, агитаторы были редки и, посетив его несколько раз, совсем забросили. Однажды, примерно на десятый год, пришел человек в военной фуражке и сказал, что он сторожит порядок. Пришедший потребовал от старика представиться. Старик честно представился, страж сразу потерял к нему интерес, повертел пальцем у виска и больше не появлялся.

Была ещё одна странность у старика. Зимой, в краткий сезон дождей, старик выходил на своей лодчонке в море просто так. Далеко от берега он снимал весла и, запрокинув голову, плакал. Беззвучно, чуть подвывая, когда уже не было сил сдержаться. Крупные капли дождя падали на глаза и было непонятно — слезы это или дождь. Впрочем, никто из местных не знал, зачем старик уплывает в море в дождливую погоду.

Идея стать бортом к вражескому линкору была не совсем безумная... Главное — враг будет вынужден прекратить разгон для прыжка и принять бой. Пусть даже главный калибр устанвится в борт «Варяга», но ведь борта у землян не только для красоты. Аось, успеют продержаться до прихода помощи. Не дав врагу опомниться, бортовые торпедные установки крейсера извергли сотни ядерных торпед. Вражеские системы защиты не успели обработать столько зарядов одновременно и несколько торпед достигли цели. На мгновение «Варяг» ослеп и оглох от ядерных вспышек. Когда внешние датчики

опять прозрели, и посветлел ситалл иллюминаторов, стало ясно — врагу нанесен серьезный урон. И ещё стало ясно, что на помощь своим несутся два крейсера ливоргов. А земляне запаздывали. Все основные силы земного флота были задействованы в основной схватке. И «Варяг» принял свой последний бой. Огрызаясь как раненый зверь, он нес смерть вокруг себя. Уже было ясно, что линкор ливоргов не сможет прорваться в прыжок, слишком сильны повреждения, уже и «Варяг» развернулся носом к врагу, но шансов было мало. Боеприпасы подходили к концу.

— Господа! Спасибо за честь сражаться вместе с вами под одним флагом. Я приказываю всем покинуть корабль, — жестко произнес капитан по судовому селектору. Потом подумал и громко добавил. — Немедленно!

Вдоль борта Варяга стали вспыхивать лиловые облачка — это команда на спасательных шлюпках уходила в подпространство по автоматической программе скачка — домой, к Земле.

— Господа, это и вас касается, — сказал, не оборачиваясь Думанский тем, кто был с ним на мостике.

— Адмирал, а вы?

— Я после вас. Моя яхта всегда в полной готовности.

Словно стесняясь, последние члены команды медленно вышли с капитанского мостика, и там, уже за дверью отсека рванули к спасательным шлюпкам. Все понимали, что красивая и бесполезная смерть никому не нужна.

Думанский перевел все функционирующее управление на пульт своей яхты и с каким-то нехорошим предчувствием, прощаясь с кораблем, перешел на яхту. Оттуда, из тесного кокпита, с неудобным, но безопасным при перегрузках креслом, он отдал последний приказ «Варягу». Главный бортовой компьютер, компьютер управления огня и навигационный приняли простое задание и легко вычислили цепочку команд, немедленно переданных на исполнительные меха-

низмы и блоки: Все мощности на защитное силовое поле. Переместиться в центр треугольника между двумя вражескими крейсерами и ещё подающим признаки жизни линкором. Убрать защитное поле. Вывести реактор на запредельные мощности. Пустить реактор в йодную яму. Поднимать мощность неограниченно. Одновременно с началом цепной реакции в реакторе — все боезапасы — на подрыв.

Думанский усталым движением руки набрал код запуска прыжка... Через несколько мгновений он был уже на орбите Земли. Вдали от войны, от гибнущих соратников, от кипящего от боли пространства. На душе у Думанского было тяжело. Он не дал армаде прорваться к Земле, но... Может, были более простые и не такие патетические решения. Но долго придаваться тяжелым раздумьям не пришлось. На кокпите мигал сигнал срочного вызова.

— Адмирал! Поздравляю с победой! Вы настоящий защитник нашей планеты! — голос верховного был слишком восторжен для этого момента.

— Я выполнял долг. Надеюсь, службы спасения позаботились о членах моей команды?

— Да, адмирал, ваши потери минимальны, а враг потерял три ударных корабля.

— А я потерял свой. Что за имя несчастливое...

— Да ну, новый заклепаем! — юмор верховного иногда был прост до пошлости. Впрочем, Думанского сейчас раздражало все. — Адмирал, тут у нас, правда, одна маленькая проблема.

— Что такое? — не любил адмирал маленьких проблем начальства. Они обычно приносят большие неприятности подчиненным.

— Один абордажный катер ливоргов занесло одновременно с вами на окологемную. Не велика проблема. Но он, видимо в приступе безумия, шарахнул по корме гражданского судна.

— Я понял. Я-то что могу сделать, если ваши ПВО проморгали?

— Ливорг находится рядом с вами. Приказ, уничтожить его вверенными вам средствами и после этого уничтожить гражданское судно. — Верховный внезапно заговорил громко и по уставному.

— Я что, уже в ПВО служу? Какие мне вверены средства?

— Послушайте, Думанский, тут все не так просто. Все силы ПВО были командированы в основной флот. Сейчас на орбите только у вас есть хоть какое-то вооружение. А гражданское судно валится с орбиты прямо на столицу. Вы себе представляете, что будет, если оно упадет на город с двадцатипятимиллионным населением?

— Тип судна?

— Обычный лихтер. Автомат. Для посадки на него движок прицепили. Примите координаты. И координаты ливоргийского катера. — В голосе верховного промелькнула напряженность.

Выйти к цели оказалось совсем просто даже для адмиральской яхты. Даже без визуального контакта Думанский выпустил две из пяти малых торпед. Этого было достаточно, чтобы расплыть вражеский катер. Теперь предстояла задача посложнее.

— Дайте вектор выхода на визуальный контакт с лихтером, мой навигатор на такое не рассчитан, — запросил адмирал.

— На визуальный контакт не выходить, атакуйте по вводным, — вместо верховного в динамике был уже другой, незнакомый, жесткий голос.

— Кто это мне там команды выдает? — Думанского передернуло от наглости неизвестного.

— Примите код идентификации, — неизвестный выдал последовательность цифр, которые означали, что он уполномочен отдавать приказы.

— Без визуального контроля не гарантирую уничтожение лихтера, — отрезал Адмирал. — Выполняю приказ.

После этого Думанский прибегнул к самой простой и древней уловке. Сделал вид, что не слышит командование из-за помех.

Хоть и просил Думанский координаты для визуального контакта, сославшись на слабость вычислительной системы своей яхты, найти лихтер он мог и сам. Немного поработав с сайбером, Думанский вычислил местоположение гражданского судна из данных стрельбы и направил яхту туда, где оно должно было плавно заваливаться в верхние слои атмосферы, тормозя о воздух и от этого уходя все глубже к Земле.

Однажды к старику пришел поп. Он, правда, и потом приходил много раз, но уже не как поп, а просто так. Выпить. Он приносил с собой странный ром «Помперо» и утверждал, что это самый популярный ром в худших барах Каракаса. Впрочем, старику было все равно. Пить, так пить. В первый раз, конечно, не было никакого рома, был поп со всеми поповскими атрибутами.

— Здравствуй, сын мой, — начал тихо и проникновенно поп.

— Если ты хочешь начать с выяснения родственных уз, тогда уж лучше сразу, праправнук. — Не глядя на служителя культа, заявил старик. Он был сегодня в плохом настроении.

— Все мы дети божьи, — смиренно ответил тот.

— А он признает отцовство?

— Я понимаю, твой дух некрепок, и в минуты смятения хочешь спорить о вещах духовного смысла, которые не понимаешь.

— А вы понимаете все, что связано с душой?

— Никому не дано понять промысел божий! — отрезал священник.

— А что нам дано понять? — старик ввязывался в становившуюся странной и трудно предсказуемой дискуссию.

— Нам дано просить милости у всевышнего. И каяться в своих грехах! — голос попа приобрел истерический оттенок.

— А что такое грех?

— Гордыня в тебе, гордыня! Не вопрошать надо, а слушать! Не алкать ясности, а читать писание! Просветление само сойдет!

— А если уже сошло? Что мне тог-

да, можно сразу в рай? Или там записаться в очередь? Слушай, уважаемый, ответь мне на вопрос, только не лги!

— Слушаю тебя, о сы... — поп осёкся.

— Вот перед тобой выбор — убить невинное дитя или себя? — Старик говорил, глядя прямо в глаза попу. — Скажи мне, что делать?

— Убийство — всегда смертный грех. Дай всевышнему за тебя решить.

— А если, убив ребенка, ты спасешь другого ребенка? Это тоже грех? Отвечай, падре!

— Все в руках божьих.

— Не трепись. Ничто не в руках божьих, — угрюмо пробормотал старик. — Все в руках твоих.

— А рукой твоей управляет господь! Уверуй в него!

— А дьявол, что, не управляет?

— Все от крепости твоей веры, — поп был непоколебим.

— Но ответь мне, ответь!!! Дай мне силы поверить в Бога, если он и вправду всемогущ!

— Ответ только внутри тебя, сын мой!

— Да отстань ты от меня со своим отцовством. Вся ваша вера — набор догм и парадоксов!

— Не богохульствуй!

— А вот вы, святоши, — продолжал задираться старик, — ведь так и не ответили — может ли Бог создать камень, который поднять не может?

— И опять ты, аки дитё неразумное, все норовишь неумное сказать, — однообразно отбивался священник.

— А вот ответ! Может! — гордо заявил старик.

— То есть, как может?

— Ага, вот и ты уже во всемогуществе его засомневался!

— Не сомневался я! — поп перекрестился, но покраснел.

— А вот так! Создаст камень, который поднять не сможет, а потом возьмет и подымет! — Старик торжествовал, — он же всемогущий! А то ещё и поднимать не захочет!

Святой отец понял, что дальше разговаривать на эту тему бесполезно,

дабы самому не ввергнуться в пучину ереси. Следующий раз он пришел с ромом. После поздно вечером, засыпая, старик прошептал: «Помоги же мне, Господи!»

Черная точка лихтера была уже хорошо различима на фоне Земли. Сбросив мощностъ маршевого двигателя, Думанский пошел на сближение. Через несколько минут в груди у адмирала сначала тяжело заняло, а потом и просто заболело сердце. Это был никакой не лихтер. Это было громадное пассажирское судно. На развороченной корме осталась только одна золоченая буква из названия — «...И...». Думанский дал сайберу команду на опознание. На дисплее вспыхнуло: «круизный пассажирский лайнер серии «Куин Мери V». В регистре значатся три судна «Киев», «Таврия», «Иркутск». Распознать судно невозможно». Развороченные кормовые джюзы не давали надежды на то, что лайнер управляем. Он как-то беспомощно заваливался носом вниз. Корпус судна уже окутало слабое марево огня — атмосфера давала о себе знать. Она тормозила судно и медленно опускала его ближе к смертельной границе, после которой гигантский корабль с пятью тысячами пассажиров войдя в плотные слои, рухнет на Землю. Думанский попытался связаться с судном, но безуспешно. Динамик голосом верховного уже ревел, требуя немедленно выполнить приказ, иначе...

Думанский не сомневался ни мгновения. Выдав из джюзы своей яхты длинный хвост экстренного ускорения, догнал судно. Потом осторожно переместился ближе к носу лайнера. Адмирал отключил блок расчета координат подпространственного движка. Потом, закрыв глаза, с размаху ударил по кнопке активации прыжка кулаком. Под брюхом лайнера расцвела сфера сингулярности пространства. Расширяясь, она ударила по носу лайнера, задирая вверх, против вектора падения.

Иногда, в летний вечер на море бывал такой штиль, что даже прибор превращался в ленивые шлепки игрушечных, в несколько сантиметров, волн. Сегодня, именно в такой тихий вечер, когда уже стемнело, к старику пришли неприятные молодые люди. Они не стали ничего говорить, зашли в его хижину, посмотрели и молча вышли. Старик сидел неподалеку возле лодки и спокойно наблюдал. Мало ли кому что надо, мало ли кто как воспитан.

— Так, шоп свалил отсюда к вечеру — проговорил один из гостей, не глядя даже на старика.

— А почему я должен уйти? — спокойно поинтересовался старик.

— Не твое дело. Не нужны нам тут бомжи.

— Я же не бомж, я постоянно тут живу. Никому не мешаю.

— Так, казал, я, что объяснять должен? — почему-то разозлился молодой человек. — Тут дискотека будет и лазерное шоу.

— Пришел бы ты ко мне двадцать пять лет назад, — неожиданно жестко сказал старик, — я бы тебе лазерное шоу показал...

— Так, я не понял, — ещё сильнее обозлился молодой, — Вован, объясни тупому.

Второй, который был Вованом, подошел к старику и не сильно, но оскорбительно ударил его в лицо. Старик тяжело поднялся и посмотрел в глаза Вовану. Тот, разозлившись, ударил старика в грудь, уже сильно и подло. От удара старик упал навзничь прямо в неподвижную воду.

— Плыви отсюда, рвань, — прокричал бандит, — и не возвращайся!

Над стариком было небо полное звезд. Оказывается, он уже и забыл, как выглядят звезды. Они смотрели на него, и, казалось, готовы были заплакать. Старик медленно встал и, повернувшись спиной к пришедшим, пошел в сторону моря. Когда вода достигла пояса, он поплыл.

Он плыл туда, где много лет назад вынырнула из небытия его яхта, прямо над водой. Туда, куда выкинул его неуправляемый блок прыжка. На Землю, за тысячу лет до войны с ли-

воргами. Тогда, ещё не старик, а адмирал Думанский был без сознания, и система спасения доставила его на берег. Как проклинал он эту систему все годы. Думанскому было наплевать и на угрозы верховного, и на трибунал и на все боевые корабли. Он боялся только одного, узнать, что он не смог спасти тот лайнер, и что это была именно «Таврия» и его семья погибла. Первые годы он просыпался от собственного крика. Его мучил один и тот же сон — его находит группа спасения и сообщает, что ни Майи, ни детей уже нет. Но спас-маяк он сломал в первый же день, а искать потерянного во времени никто не стал. Убить себя

он тоже не мог. А вдруг его найдут, и он узнает, что все хорошо, все живы и ждут его дома...

Старик плыл туда, к одной ему ведомой точке моря, где на дне лежала его яхта. Последний осколок его мира. Планеты Земля, за спасение которой он будет воевать через тысячу лет. Яхта звала его туда, где был его мир, его дом, его жизнь. И ещё звали звезды, те, на которые он не мог смотреть. Они молча и безучастно следили за стариком пока ещё могли различить его. А потом, не видя уже ничего на поверхности моря, опять занялись своими делами.

ОБ АВТОРЕ:

Ученый-физик и писатель-фантаст Сергей Сергеевич Слюсаренко родился в 1955 году в Минске. После школы поступил на физфак Белорусского государственного университета, но высшее образование завершил уже в Харьковском университете (в 1975 году семья переехала в Харьков). Отслужив два года в рядах Советской армии, в 1981 году перебрался на постоянное место жительства в Киев, где живет и работает по сей день. Кандидат физико-математических наук, автор около 100 научных публикаций, работал по приглашению в университетах многих стран.

Фантастику пишет с 2003 года, а уже в 2005 году состоялся первый серьезный дебют — роман «Тактильные ощущения», изданный в «Лениздате» и получивший поощрительную премию «Еврокона» как лучшая первая книга европейского автора. Рассказы С. Слюсаренко публиковались в журналах «Если» и «Реальность фантастики».